

ВОЙНА. ПОВОЛЖЬЕ

"Я стал абсолютным пацифистом, ненавидящим все войны". История ульяновца, убежавшего с фронта в Армению

Idel.Реалии

2 часа(-ов) назад

Иллюстративное фото

20-летний уроженец Ульяновской области заключил контракт с Минобороны России в декабре 2024 года и попал на фронт в Запорожской области Украины. При первой попытке бежать его задержали и отправили обратно. Позднее, получив краткосрочный отпуск, ульяновец в течение года пытался оформить негодность к военной службе в московских больницах и госпиталях, но в итоге решил покинуть Россию и уехать в Армению. В беседе с "Idel.Реалии" военный рассказал, как под влиянием всех пережитых им событий он стал "абсолютным пацифистом".

"С детства был патриотом и хотел служить своей стране"

Андрей (*имя изменено, "Idel.Реалии" известно его настоящее имя*) родился в феврале 2004 года в одном из рабочих поселков Ульяновской области недалеко от Димитровграда.

По его словам, "с детства он был патриотом и хотел служить своей стране".

— Я прямо верил во что-то светлое, — говорит ульяновец. — С детства хотел служить в армии, думал, что она защищает наш народ. В школе я состоял в "Юнармии", хотя тогда мне было лет 14, и я толком вообще ничего не знал о происходящем в мире и в России. Хотел даже попасть на работу в правоохранительные органы, учился по этому направлению в колледже. Вот такой я был малый и глупый, верил, что в этих органах я буду защищать народ, интересы граждан.

После школы Андрей поступил в Самарский государственный колледж на специальность "Правоохранительная деятельность". Он говорит, что хотел работать следователем, и вспоминает, что во время обучения учащихся нередко забирали понятыми на оперативно-розыскные мероприятия.

— Забирал и ОБЭП, и угрозыск, и другие отделы полиции. Вот во время этого, достаточно пообщавшись с давно работавшими операми, следователями, у меня уже начала складываться довольно безрадостная картина моей будущей работы. Старшие коллеги высказывались так, что это никому не нужная работа, что органы разложены коррупцией и служат только власти, а не народу, а сами сотрудники практически живут на работе, не видя семей, не имея свободного времени. В общем, к концу третьего курса такие наблюдения и размышления у меня отбили желание учиться дальше, — подчеркивает ульяновец.

Во время учебы в колледже Андрей, по его словам, состоял в "патриотическом клубе", поскольку ему "было интересно в плане истории" — и он ей "всегда увлекался".

"Я думал, что, возможно, это правильно, хотя понимал, что это ужас, что это — человеческие жертвы"

— В то утро, когда началась война с Украиной, я проснулся сам, не по будильнику, — вспоминает Андрей. — Это было часа в четыре утра. Открываю новостные паблики, смотрю — и вообще не понимаю, что происходит. Тогда я думал, что,

возможно, это [начало войны] правильно, хотя понимал, что это ужас, что это — человеческие жертвы. В общем, мозги у меня тогда ещё были промыты всей этой пропагандой. Я думаю, такая реакция была тогда у многих граждан России.

В "патриотическом клубе", по словам ульяновца, после начала войны фон проводимых мероприятий резко изменился в милитаристскую сторону.

— Всё теперь связывалось с "СВО" , всё шло под этим флагом — любой праздник, любой день воинской славы. При этом на все такие мероприятия стали заставлять ходить. Меня начало такое напрягать — и я потерял к этому всякий интерес, — отмечает собеседник "Idel.Реалии".

Не закончив колледж, Андрей в 2023 году взял на год академический отпуск и уехал в Санкт-Петербург, где, по его словам, вместе с другом занялся дизайном приложений:

— В общем-то, я с 2018 года занимался этим делом, совмещая его с учебой в колледже. Вместе с другом мы начали создавать различные IT-проекты по созданию мобильных приложений. Всё шло неплохо.

"Буквально на следующий день после заключения контракта осознал, что совершил очень большую ошибку"

Контракт с Минобороны России Андрей заключил в декабре 2024 года (*документ есть в распоряжении "Idel.Реалии"*). Он объясняет такое решение тем, что в то время у него был "очень нехороший этап в жизни".

Друг, с которым Андрей жил в одной квартире, предложил ему заключить контракт и поехать на войну. Ульяновец согласился.

— Всё произошло очень-очень быстро — хотя у меня было очень много знаков, что этого не надо делать. Меня ведь уже приглашали на хорошую работу с хорошей зарплатой. Далее я случайно потерял паспорт. Но не придавал этому значение; сознание у меня было как-то затуманено, — рассуждает собеседник.

В начале декабря 2024 года оба друга поехали заключать контракт в Москву.

— У друга родственники уже заключили контракт, и мы явились в один из московских военкоматов следом. В военкомате мне за один день сделали новый паспорт, быстро оформили сам контракт, военный билет и прочее. Пообещали, что

мы будем сидеть не на передовой, а в тылу; это как-то немного успокаивало. О войне я тогда не имел никакого представления, конечно. Не понимал, что даже сидя в так называемом тылу, ты всё равно содействуешь этой войне, раз находишься в армии, — констатирует Андрей.

Андрей. Фото заблюрено в целях безопасности.

Перед отправкой им сказали, что они едут на службу "как инженеры БПЛА — собирать и программировать дроны", уточняет ульяновец. Часть, в которую они должны были прибыть, располагалась в Запорожской области Украины — в городе Токмак.

— Когда мы туда приехали, то заселились в дом в одной деревне под Токмаком. Родственников друга, которых тоже сперва обещали направить на сборку БПЛА, обманули — их закинули в "мясные штурмы". Кого-то под Работино, кого-то ещё куда-то... Мы в этом доме остались вдвоем с другом. В воинскую часть нас не зачислили, присягу мы не принимали, на вещевое довольствие не ставили. Ни с кем не было связи, никто за нами не приходил. Все документы, наши личные дела — всё оставалось у нас на руках. Мы сидим, не знаем, что нам делать и куда идти. Про нас, получается, никто даже не знал.

Как признается Андрей, он уже "буквально на следующий день после заключения контракта осознал, что совершил очень большую ошибку":

— Дней пять-шесть мы прожили в этом доме, и я очнулся от всех своих прежних галлюцинаций. Мы решили, что надо покидать армию и уезжать обратно — в

Россию. Собрали вещи, документы, вызвали знакомого таксиста и поехали в направлении на Ростов. Были мы, разумеется, в гражданской одежде — в той, в которой приехали.

Андрей рассказывает, что их остановили под Мариуполем — на пятом блокпосту. Он думает, что это были сотрудники ОМОНа или СОБРа. Силовики потребовали их выйти из машины, после чего ульяновец, по его словам, подумал: "Всё, приплыли".

— Начали шмонать, нашли у нас военные билеты, которые мы не догадались припрятать получше. Как только они увидели "военники", сразу начали нас бить. Мне прилетело берцем по лицу; ладно, зубы не выбили. Бьют, матерятся и допрашивают, откуда мы, из какой части. Мы сказали то, что знали. Они позвонили в гарнизонную военную полицию в Мариуполе, но не дозвонились. Тогда они позвонили в нашу часть, оттуда приехал какой-то командир, а вслед за ним и военная полиция части. Пока они за нами ехали, нас заставляли отжиматься под дулом автомата, так и время прошло, — вспоминает Андрей.

Он уточняет, что сотрудники военной полиции были знакомы с родственниками его друга, поэтому "были не так агрессивно настроены, как бойцы на блокпосту".

— Приехали в Токмак, в штаб части — про нас по-прежнему никто ничего не знает. Мы сумели наплести, что якобы никуда не сбегали, а помогали перевозить вещи. Посмотрели тот приказ, который нам выписали ещё при заключении контракта — у меня там было написано, что я назначаюсь механиком-водителем гаубичной самоходно-артиллерийской батареи. Взяли у нас документы и закинули нас на яму — в подвал — на несколько часов. Потом приехал командир батареи — нормальный, адекватный парень. Посадил нас в свою машину и отвез в подразделение, в одну из деревень близ Токмака.

"Начался очень долгий путь откоса от армии через "дурку"

По словам Андрея, воинский коллектив, в который он попал с другом, "был, в общем-то, нормальный".

— Никто там к нам плохо не отнесся. И мы остались там служить — правда, опять ненадолго. Первые дни мы учили уставы — мы же срочную службу не проходили. Нас отправляли на дежурства — охранять самоходно-артиллерийские установки. Ну, как охранять — без оружия, без рации. И рано или поздно нас, конечно, должны были отправить в штурма.

В части Андрей и его друг пробыли до 12 января 2025 года. В тот день им удалось получить десятидневный отпуск. По словам ульяновца, отпуск дали по семейным обстоятельствам, но на обычном бланке:

— По семейным обстоятельствам отпуск дается без возможности продления, а обычный можно продлить в военной комендатуре. Позднее это нам помогло. Но, главное, что мы успели уехать из части буквально за день до того, как нас могли отправить на штурм.

Андрей отмечает, что после этого у него "начался очень долгий путь откоса от армии через "дурку".

— Мы приехали в Москву, начали ходить в "Центр поддержки воинов СВО" к психиатру. Далее через комендатуру получили направление в военную поликлинику, где сперва мне психиатр выписал освобождение от военной службы на неделю, потом ещё на неделю, а потом дал мне категорию "Г" (*временно не годен к военной службе*) на один месяц. В конце марта мне уже стали писать из части, чтобы я возвращался, что меня ждет выход на боевое задание. В итоге пришлось лечь в психиатрическую больницу имени Алексеева. Там я пролежал с диагнозом ПТСР практически год.

В распоряжении "Idel.Реалии" есть подтверждающие слова Андрея справки из больниц.

По словам ульяновца, периодически его переводили из больницы на лечение в военный госпиталь имени Бурденко, где он рассчитывал получить категорию "В" (*ограниченно годен к военной службе*).

— Я лежал спокойно, но осенью 2025 года в госпитале начался какой-то кошмар. К этому времени в больницы стало ложиться очень много людей с "СВО", все отделения были переполнены. Люди лежали буквально на полу в коридорах. И везде пошли проверки, стали снимать врачей, заведующих отделениями, которые слишком часто ставили больным категорию "В". Людей стали массово выписывать и отправлять обратно в часть, где они, как правило, сразу посылались в штурм.

Андрей вспоминает, что нередко бывало так, что заведующие отделениями сами вызывали в больницу военную полицию, чтобы она забрала "уклониста".

— Так случилось с одним парнем, вместе с которым я лежал и в больнице имени Алексеева, и в госпитале имени Бурденко. Приехали ночью в феврале 2026 года

ВП-шники (*сотрудники военной полиции*) и забрали его. Через какое-то время он, по моим данным, уже числился в части как без вести пропавший.

Как признается Андрей, во время пребывания в московских больницах он "окончательно осознал всё про войну".

— Осознал не только про эту самую "СВО" — про все войны как таковые. Послушал реальные истории ребят, с которыми я лежал, — раненых, инвалидов. И стал, можно сказать, абсолютным пацифистом, ненавидящим все войны. Вот так сильно у меня поменялось мировоззрение.

"С отъездом всё прошло гладко, будто сам Бог мне дорожку постелил"

В конце февраля 2026 года Андрею объявили об очередной выписке из госпиталя имени Бурденко и сообщили, что, согласно изменениям в законодательстве, он будет проходить военно-врачебную комиссию (ВВК) в своей воинской части.

— Я понял, что вариантов не попасть на войну больше не осталось, — говорит ульяновец. — Пришел к выводу, что нужно уезжать из страны. При этом раньше я ничего не знал о правозащитных проектах, помогающим таким как я безопасно покинуть Россию. Не слышал ни об "Идите лесом", ни о "Вывожуке", ни о "Прощай, оружие". Если бы знал, то, может, не терял бы столько времени по больницам, а уехал бы ещё в 2025 году. Ну, тут ещё тогда были мысли, что если уеду, то уже долго или вообще никогда не увижу своих родных, свой дом, в конце концов, свою страну...

В конце февраля Андрей связался с проектом "Идите лесом", а затем узнал о созданной в Армении организации "Твердый знак", помогающей дезертирам и самовольно оставившим части.

— В "Твердом знаке" мне конкретно, детально расписали, как я должен действовать. И через два дня я уже был в Армении, — вспоминает ульяновец.

"Твердый знак" — это антивоенный проект, основанный в Армении в январе 2026 года. Его **основатель** — мобилизованный россиянин **Владимир Бернгардт**, бывший участник войны, дезертировавший из-за антивоенных убеждений.

На сайте организации **сказано**, она "занимается эвакуацией из РФ дезертиров, уклонистов и политически преследуемых — в том числе из зоны боевых действий".

"Массовое дезертирство — это самое эффективное, гуманное и относительно недорогое средство ускорения окончания войны, — **заявляется** в "декларации" организации под названием "Дезертирство как акт гражданского сопротивления". — Каждый солдат, который отказывается воевать и получает надёжную защиту на Западе, — это не просто спасённая жизнь. Это мощный сигнал для тысяч других военнослужащих, деморализация командования и реальное ослабление военной машины Путина. Кроме того, каждый эвакуированный из ЛДНР и РФ российский дезертир — это спасённые жизни украинцев".

Рассказывать о маршруте, которым он выбирался из России, он не стал, сославшись на необходимость сохранить это в тайне ради безопасности других будущих беглецов: "Скажу только, что с отъездом всё прошло очень гладко, будто сам Бог мне дорожку постелил. Нигде не было задержек, каких-то особых проверок и так далее".

На прошлой неделе Андрей узнал, что в России его объявили в розыск как "без вести пропавшего". Его родителям, говорит ульяновец, несколько раз звонили "и из военных структур, и из полиции, из уголовного розыска".

В Армении беглец устроился, по его словам, "более-менее нормально".

— Снимаю жилье, работаю по прежнему своему направлению — в дизайне, удалённо на зарубежную компанию. И активно волонтерю в проекте "Твёрдый знак": помогаю таким же как я ребятам с адаптацией здесь, с получением нужных документов и так далее.

Армению Андрей считает "единственной страной, безопасной для большинства дезертиров из российской армии". Тем не менее он всё же хотел бы "уехать в Европу или куда-то ещё, чтобы быть ещё дальше от России".

— Скорее всего, буду точно двигаться дальше, потому что всякое может быть и тут. Понятно, что на прошедших выборах победил [Никол] Пашинян и его партия, но это на пять лет, а потом всё снова может поменяться, как по щелчку пальцев. Слишком уж близко находится Армения к России.

О том что он уехал из страны, Андрей не жалеет.

— Единственное, наверное, о чём жалею, что не получится домой приехать, повидать родителей. Наверное, буду скучать по людям, по природе, по родным

местам. Но пока в России происходят такие вещи, мне там делать нечего. Приходится издали наблюдать за всем этим ужасом — как гибнут два народа, как просто гасят и украинцев, и русских, россиян. Я, честно говоря, ни одну сторону не принимаю. Просто все подогревают интерес к этой войне, а гибнут обычные люди — сотнями тысяч. Я смотрю на это, и у меня сердце кровью обливается, — заключает Андрей.

"У властей есть одна задача — вернуть бежавшего человека на фронт"

"Idel.Реалии" обратились к координатору правозащитного проекта ["Идите лесом"](#) **Антону Горбацевичу**, чтобы прояснить некоторые детали рассказа ульяновца.

По словам правозащитника, "объявить человека, бежавшего с "СВО", без вести пропавшим, а не заводить сразу на него уголовное дело — это сейчас частая практика".

— Делая так, военные власти РФ, так сказать, пытаются не признать самого факта дезертирства, поскольку это невыгодно в пропагандистском плане, — уточняет Горбацевич. — Кроме того, объявляя беглеца просто в розыск как без вести пропавшего, власти надеются найти его и вернуть на фронт. При этом понятно, что уголовных дел за дезертирство (ст. 338 УК РФ), за самовольное оставление части (ст. 337 УК РФ) становится в последнее время всё больше по сравнению с началом войны России против Украины, с началом "частичной" мобилизации осенью 2022 года. Но всё равно такой способ — объявить человека без вести пропавшим — по-прежнему используется, чтобы не признавать проблему дезертирства в том объеме, в котором она на самом деле сейчас есть в российской армии.

Правозащитник добавляет, что у российского государства "сейчас не стоит цели посадить в тюрьму всех дезертиров и самовольно оставивших часть".

— У властей есть одна задача — вернуть бежавшего человека на фронт, чтобы он оказался там и выполнял боевые задания. И сейчас нет никакого соблюдения прописанного в уставах, нормативных актах регламента — доставленного на фронт человека могут не привести к присяге, не зачислить должным образом в часть, не поставить на вещевое довольствие и так далее. Все формальности сейчас отодвинуты на второй план, — отмечает Горбацевич.

По его словам, "то же самое относится и к тому, как осуществляется поиск и возвращение на фронт найденных беглецов".

— Если такого беглеца ловят на территории Российской Федерации, то, как правило, он попадает в сборный пункт для самовольно оставивших часть, и там его ломают, заставляя вновь отправиться на "СВО", — заключает правозащитник.

Подписывайтесь на наш канал в [Telegram](#).

Idel.Realii

Мы не разглашаем имя автора этой публикации из-за угрозы уголовного преследования по закону о нежелательных организациях в России.

Этот контент также в категориях

Война. Поволжье

Репортаж. Поволжье

Ульяновск